

Парадигма как этика смирения*

© 2020 г. И.Т. Касавин

*Институт философии РАН, Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1;
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород, 603022, просп. Гагарина, д. 23.*

E-mail: itkasavin@gmail.com

Поступила 20.02.2020

Важным элементом этики науки является профессиональный кодекс научной честности, транслируемый научным сообществом. Применительно к пониманию фундаментального исследования такой кодекс опирается на представление о дарении как бескорыстном этическом и когнитивном отношении, одним из проявлений которого выступает научное смирение, или скромность. В статье устанавливается связь между эпистемологией добродетелей и этическими следствиями из понятия парадигмы Т. Куна. Нормативный образ науки, по Куну, предполагает, что ученый принимает парадигматические правила и ограничения без какого-либо насилия. Парадигма потому и представляет собой огромное преимущество для «нормального» ученого, что позволяет ему решать лишь те конкретные задачи-головоломки, которые действительно его интересуют. Парадигма предстает как подарок мифического революционного героя «нормальному» ученому. Научная честность является нормативной основой для фундаментальных исследований, поскольку ученые не продают результаты друг другу, не извлекают доход за счет научного сообщества, а потому и не ожидают обмана в стиле «купил дешевле, продал дороже». Основное значение этики науки состоит в самоотверженном дарении, но дар – это милость, от которой нельзя отказаться. Он несет в себе тем самым и обязанности, которым не каждый способен соответствовать. Смирение выступает как частная научная добродетель и одновременно как интегральная производная дара. Это способность с благодарностью принять дар знания и обучения, но также взять на себя обязанность признания и быть готовым передать тот же дар по наследству.

Ключевые слова: эпистемология добродетелей, смирение, дар, парадигма, этика науки.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–12-132-138

Цитирование: *Касавин И.Т.* Парадигма как этика смирения // Вопросы философии. 2020. № 12. С. 132–138.

---

* Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 20–011–00397 «Эпистемология добродетелей: ценностно-нормативный образ субъекта познания».

Paradigm As an Ethics of Humility*

© 2020 Ilya T. Kasavin

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 12/1, Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russian Federation; Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, 23, Gagarin av., Nizhni Novgorod, 603022, Russian Federation.

E-mail: itkasavin@gmail.com

Received 20.02.2020

An important element of the ethics of science is the professional code of scientific honesty transmitted by the scientific community. Basic research relies on the notion of gift-giving as a selfless ethical-cognitive relationship, one of the manifestations of which is scientific humility. The article establishes a link between the approach of virtue epistemology and ethical consequences from the concept of paradigm (T. Kuhn). Kuhn's normative image of science suggests that the scientist assumes paradigmatic rules and limitations without any violence. That is why paradigm represents a huge advantage for a "normal scientist" allowing her to solve only those particular puzzles that really interest her. Paradigm appears as a gift of a mythical revolutionary hero to the "normal" scientist. Scientific honesty forms a normative basis for basic research because scientists do not sell results to each other, do not extract income at the expense of the scientific community and therefore do not expect deception in the style of "bought cheaper, sold more expensive". The primary meaning of the ethics of science is based on the selfless giving. Humility is the ability to accept the gift of knowledge and acknowledgement gratefully, to take on the duty of recognition and to be ready to pass on the same gift by inheritance.

Keywords: virtue epistemology, humility, gift, paradigm, ethics of science.

DOI: 10.21146/0042-8744-2020-12-132-138

Citation: Kasavin, Ilya T. (2020) "Paradigm As an Ethics of Humility", *Voprosy Filosofii*, Vol. 12 (2020), pp. 132-138.

Ограниченность критицизма

Современная наука существует в нескольких ипостасях. Среди них наука как особый социальный институт, или профессия; как система распределенного знания, интегрированного в технику, повседневное сознание и поведение, работу социальных институтов; как система личностной мотивации и творческой самореализации, или призвание. Каждая из этих ипостасей имеет по крайней мере два основных измерения – когнитивное и культурное (этическое, эстетическое, религиозное и пр.). Построение синтетической этики науки поэтому требует разработки не менее трех «кодексов», относящих, соответственно, к а) нормам научной честности во внутригрупповой структуре научного сообщества (парадигме); в) внешнему имиджу науки в общественном сознании (общественному благу); с) этическим измерениям научной динамики как увеличения когнитивного разнообразия. Этике науки тем самым предстоит объединить профессиональную этику, этику гражданских научных добродетелей и этику призвания. В той или иной форме с тезисом о различных типах этического дискурса

---

* The research has been performed within the project supported by Russian Foundation of Basic Research No. 20-011-00397 "Virtue epistemology: a value-normative image of the cognitive agent".

в науке согласны многие современные исследователи [Черепанова 2013; Бандурина 2010]. Поэтому прежде, чем предлагать систему синтетической этики науки, стоит точнее различить, описать и проанализировать типы этико-научной рефлексии и поведения.

Наша научная гипотеза состоит в том, что в аналитической эпистемологии добродетелей, или *virtue epistemology* [Касавин 2019], нащупаны пути для решения по крайней мере первой задачи – детализации кодекса научной честности в рамках «нормальной науки» Т. Куна. В качестве исходного пункта рассуждений послужит программа эпистемологии добродетелей в книге под редакцией Линды Загзебски «Интеллектуальная добродетель. Перспективы с точки зрения этики и эпистемологии» и, в частности, позиция Робертса и Вуда в их статье «Смирение и эпистемические формы блага» [Roberts, Wood 2003]. Авторы выдвигают интересную идею – выделить, реконструировать и систематизировать когнитивные добродетели и грехи, характерные для научной деятельности, исследуя понятие «когнитивное смирение». Однако ее реализация ограничена весьма абстрактным анализом понятий оправдания, обоснования и рациональности. Мы собираемся пойти несколько дальше и артикулируем тот этический урок, который скрыт в концепции Т. Куна о нормальной науке, парадигме и научном сообществе. Этот разговор был начат на «круглом столе» «Консервативна ли нормальная наука?» журнала «Вопросы философии» на I Степинских чтениях (Институт философии РАН, 12 ноября 2020 г.) и нашел частичное отражение в некоторых публикациях [Касавин, Порус 2020].

Исходным пунктом современных дискуссий об этике науки по-прежнему остается концепция Р. Мертона и конфронтирующие друг с другом идеи К. Поппера и Т. Куна. «Никакой вклад в знание не может быть допущен без тщательной, всесторонней проверки. Норма скептицизма предписывает ученому подвергать сомнению как свои, так и чужие открытия и выступать с публичной критикой любой работы, если он обнаружил ее ошибочность» [Мирская web]. Этот тезис Мертона как никакой иной резонирует с лейтмотивом всего «критического рационализма» и на первый взгляд противоречит идее «нормальной науки» Куна как консервативного предприятия по разработке единой парадигмы. По утверждению В.Н. Поруса, «“организованный скептицизм”, отмеченный Мертоном как фундаментальное требование к поведению ученых, если его трактовать широко, должен означать этически фундированную готовность ученого поставить под сомнение основы своей науки, если к тому подвигают опыт и логика, а если эти основы – мнения высших научных авторитетов, то моральным будет *отказ от этих мнений ради истины*. В концепции Куна “нормальный” ученый *вполне морально* наступает на горло своему скептицизму и лезет из кожи вон, чтобы продемонстрировать всеислие “парадигмы” (а значит, и правоту господствующих мнений) при решении задач-головоломок. Но К. Поппер видел в этом *моральное уродство*, заслуживающее снисхождения, только если допустить, что ученый “плохо обучен” или является “жертвой индоктринации”» [Порус 2007, 142].

Расхождение Поппера и Куна, прежде всего, состоит в том, как относиться к тезису «организованного скептицизма» Мертона, и Поппер – его главный апологет. Однако парадигма Куна как набор норм и правил деятельности на проверку также вполне вписывается в структурно-функциональную социологию науки Мертона. Реальный ученый «умеренно критичен» и «умеренно консервативен»: Мертон еще на рубеже 50–60-х гг. XX в. успел внести существенные коррективы в свою концепцию, выдвинув идею амбивалентности сознания и поведения ученого. Дело в том, что, развивая институциональный подход в социологии науки, Мертон ограничил ее предмет исследованием научной карьеры. Этим самым получает оправдание амбивалентность личности ученого – он строит свою карьеру ситуационно: ищет истинное знание, но имеет в виду и социальное признание; работает кропотливо, но не чересчур долго; защищает новые идеи, но не перебарщивает с новаторством и т.п. Помимо этого, ученый меняет свои установки в зависимости от социальной роли. Так, исследователь должен быть в первую очередь новатором, а учитель – консерватором. В роли научного администратора воплощено отсутствие всякого интереса к содержанию знания на фоне его прагматического использования, а в эксперте – функция критика.

Однако структурный функционализм не довел ситуационный анализ до исторического подхода. Мертон и его школа не смогли соразмерить идею нормативности науки с этапами ее развития. Только позднее, П. Фейерабенд достиг нужной определенности в решении этой задачи, поскольку отдавал должное истории науки. Говоря о том, что в деятельности ученого принцип пролиферации (размножения теорий) соседствует с принципом упорства, он подчеркивал, что первый принцип описывает науку в целом, а второй – установку отдельного ученого по отношению к его собственной теории. Совершая открытие на основе ограниченного и некритически проверенного эмпирического материала, ученый охотно рискует, потому что терять почти нечего, а выиграть можно все. И напротив, защищая доминирующую и хорошо подтвержденную теорию от аномалии, ученый опасается потерять свое место в мейнстриме и потому весьма критичен по отношению к новым фактам. В этом смысле ученый – «оппортунист» (термин П. Фейерабенда), выбирающий удобный случай (opportunity) для достижения своей цели. По существу, исторический подход примиряет Поппера с Куном. «Смелые догадки и смелые опровержения» Поппера относятся к контексту открытия, или к революционному периоду развития науки. «Решения головоломок» и «игнорирование аномалии» Куна – к контексту обоснования, к периоду власти парадигмы. Поппер романтизирует революционную науку, держа перед внутренним взором историю философии, в которой каждый великий философ не согласен со всеми остальными и отвергает всю предшествующую философию. Кун же стремится удержать науку от революций, поскольку сама идея революции является социально опасной и противоречит образу науки как башни из слоновой кости. Исторический подход вынуждает искать основания для выбора теории и оценки эксперимента за пределами логики и фактов, в сфере фундаментальных, в том числе ценностных, предпосылок научной деятельности.

Научное смирение и его противоположности

Рационалистический образ ученого предполагает, что он критически относится к своим и чужим результатам. Однако он физически не в состоянии все проверить и потому нуждается в дополнительных основаниях для доверия. Таким основанием являются нормы научной честности. Будучи распространены в «нормальной» практике научного сообщества, они позволяют осуществить «экономия мышления» при временной ограниченности ученого в тестировании чужих результатов (в воспроизведении эксперимента, пересчете математических калькуляций, проверке статистических данных). Р. Бойль, И. Ньютон, У. Хьюэлл, как и многие другие ученые, ощущали себя «священниками Природы». Ученому средневековья и Нового времени были свойственны особого рода пиетизм и аскетизм едва ли не религиозного свойства. Ученые следовали своему призванию как велению свыше, от которого нельзя отказаться. Выбор парадигмы, неоднократно подчеркивает Т. Кун, сходен с религиозным призывом: «Переход от признания одной парадигмы к признанию другой есть акт “обращения”, в котором не может быть места принуждению» [Кун 1977, 199]. Такое отношение к научной деятельности сформировало этическую позицию «смирения». Можно согласиться с тезисом, что это особо значимая этико-когнитивная позиция, «поскольку приобретение, упрочение, передача и применение знаний являются неотъемлемой частью человеческой жизни, и жизнь, характеризующаяся смирением в отношении этой деятельности, ...является более совершенной жизнью, чем та, в которой смирение отсутствует» [Roberts, Wood 2003, 272]. Являясь противоположностью интеллектуальному тщеславию и высокомерию, смирение способствует предотвращению препятствий на пути приобретения, совершенствования и передачи знания. Вероятно, что смирение выступает основанием для целого ряда более частных эпистемических ценностей и добродетелей.

В качестве первой рассмотрим методологическую практику оправдания, или обоснования: то, что в английском обозначается как «justification» и представляет неотъемлемый элемент классического понятия знания как обоснованного истинного убеждения

(justified true belief). Современная наука является высококонкурентным предприятием, и постоянная критика требует обосновывать идеи, методы и результаты деятельности. Помимо этого, обоснование обеспечивает развитие: критические аргументы, на которые приходится отвечать, могут служить источником обновленных аргументов. Как раз об этом пишет Х. Лонжино: «Обоснованное рассуждение является частью практики проблематизации (challenge) и ответа: оспаривание претензии удовлетворяется предложением оснований для доверия, которые затем могут быть оспорены со ссылкой на истинность и релевантность, что провоцирует дополнительное рассуждение. Рассуждение, таким образом, понимается в социальном контексте – контексте взаимодействия между индивидуумами, а не взаимодействия между индивидуумом и объектом познания» [Longino 1994, 141].

Лонжино, будучи одним из ведущих авторитетов в области социальной (феминистской) эпистемологии, могла бы привести и социологически ориентированные примеры и аргументы. В частности, коллективная деятельность в науке полностью пронизана коммуникацией, в ходе которой ученый все время отвечает на возражения против своих взглядов и сам формулирует как ответы, так и встречные возражения. Практика научной дискуссии универсальна – она характерна для заседаний диссертационных советов, студенческих коллоквиумов, симпозиумов и «круглых столов», журнальных рецензий и экспертиз и пр. Основная функция такой коммуникативной структуры сообщества в том, чтобы «предотвратить негативные последствия интеллектуального тщеславия и высокомерия, которые, как правило, подрывают оправдание, делая людей менее самокритичными в отношении своих любимых убеждений» [Roberts, Wood 2003, 274]. В этом смысле поведение скромного ученого, не педалирующего собственные достижения и добродетели, снижает избыточный накал конкуренции и демонстрирует добрую волю, кооперацию и честность.

Второй когнитивной добродетелью, вытекающей из смирения, можно назвать способность к знанию через свидетельство, то есть широко обсуждаемое сегодня *testimonial knowledge* [Lackey, Sosa 2006]. Вспомним, что рационалистическая философия Нового времени настаивала на том, что истина одна и доступна одиночкам, но заблуждения представляют собой коллективные ментальные состояния («идолы разума»). Отсюда и пропаганда когнитивного эгоизма – знанием признавались лишь такие состояния сознания, которые опирались на независимые от общего мнения эмпирические и теоретические аргументы, добытые самим субъектом. Этот подход к знанию противопоставлялся религиозной вере как тому, что приобретается при посредстве сообщества, путем устных и письменных свидетельств. В современной аналитической философии попытки редукции знания как свидетельства к знанию как личному достижению противопоставляются углубленной разработке понятий коллективного субъекта и коммуникативного знания. Все в большей мере осознается то обстоятельство, что едва ли не большая часть знания получается субъектом от других людей непосредственно или через артефакты культуры. Когнитивное смирение проявляется, в частности, и в том, что субъект осознает неизбежность позиции доверия как выражения фундаментальной коммуникативности знания, его интересубъективности. Парадигма Т. Куна – яркий пример того, что в истории науки ученые выдают кредит доверия крупным массивам знания и авторитетным персоналиям, а также сами пользуются таким кредитом. Скромный ученый ощущает себя соратником, стоящим на плечах гигантов, а не одиночным завоевателем пустынной территории, достижения которого столь необычны, что их никто никогда не оценит. Способность отдавать должное чужим достижениям идет рука об руку с внешним признанием собственных заслуг.

Третья ипостась смирения – это признание ограниченности знания. Чем больше мы знаем, тем больше круг нашего незнания, гласит известный с античности принцип когнитивной скромности. И здесь смирение неожиданно оборачивается своей противоположностью – критичностью, правда, направленной на самого себя. Внимание к внешней критике, к аргументам противников, с одной стороны, и многократная

самопроверка, воздержание от поспешных заключений – с другой, ставит ученого в жесткие условия конкуренции с самим собой, в зависимости от остроты и взыскательности саморефлексии. Неспособность найти у себя ошибку оценивается не как собственная безошибочность, но как недостаточная проницательность. Здесь скромность вновь оборачивается своей противоположностью – амбициозностью и перфекционизмом, которые не доверяют внешним оценкам и преувеличивают роль собственного мнения о самом себе. Последовательно проведенный принцип когнитивной скромности требует также отказа от избыточной самокритики, готовности ошибаться и нести за это ответственность.

Так мы подходим к четвертой ипостаси когнитивного смирения – самоотверженности, самозабвению. Преодоление себялюбия, эгоизма позволяет ученому как бы раствориться в своем призвании и посвятить себя свободному исследованию, забыв обо всех иных потребностях и искушениях. Феноменологи, апеллируя к эпохе и редукции, называют это переходом на уровень чистого сознания. Тем самым достигается максимальная сосредоточенность, приводящая к измененному ментальному состоянию, именуемому вдохновением. Скорость мыслительных процессов увеличивается, воображение активизируется, обостряется интуиция и возникает шанс неожиданного инсайта, ведущего к открытию. Помимо процессуальной стороны исследования, изменяется и его результат. Обратной стороной самозабвения, минимизации субъективных факторов является достижение большей объективности знания – по Куну, избыточного термина, но идеала многих реалистических теорий познания. При том, что когнитивную субъективность невозможно ликвидировать, ученый берет на себя моральный долг максимального самоконтроля. Здесь свобода вдохновения дополняется ответственностью за полет воображения и стремление к новизне.

В заключение скажем о решающем основании этики науки и уроке Т. Куна. Его нормативный образ науки предполагает, что ученый добровольно берет на себя парадигмальные правила и ограничения. В этом нет никакого насилия, напротив, это огромное преимущество, позволяющее ученому решать только те частные проблемы-головоломки, которые его действительно интересуют. Парадигма – это дар мифического героя-революционера «нормальному» ученому. Таким образом, основание норм научной честности состоит в том, что ученые в области фундаментальных исследований не продают друг другу свои результаты, не извлекают прибыль за счет научного сообщества и потому не ожидают обмана в стиле «купил дешевле, продал дороже». Первичный смысл этики науки и научной честности основан на факте бескорыстного дарения. Смирение – способность благодарно принять дар, взять на себя долг признания и быть готовым передать такой же дар по наследству.

Философии, стремящейся утвердить свою природу за счет отбрасывания всей предшествующей истории и не желающей кооперироваться в рамках парадигмы, иногда стоит поучиться этическому смирению науки. Тогда, быть может, появится реальный шанс говорить о прогрессе в развитии философского знания.

Источники – Primary Sources and Russian Translations

Кун 1977 – Кун Т. Структура научных революций / Пер. с англ. И.З. Налетова. М.: Прогресс, 1977 (Kuhn, Thomas S., *The Structure of Scientific Revolutions*, Russian Translation).

Ссылки – References in Russian

Бандурина 2010 – Бандурина И.А. Этнос науки и этика ученого // Высшее образование в России. 2010. № 5. С. 161–164.

Касавин 2019 – Касавин И.Т. Эпистемология добродетелей: к сорокалетию поворота в аналитической философии // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56. № 3. С. 6–19.

Касавин, Порус 2020 – Касавин И.Т., Порус В.Н. Возвращаясь к Т. Куну: консервативна ли нормальная наука? // Эпистемология и философия науки. 2020. Т. 57. № 1. С. 6–19.

Мирская web – Мирская Е.З. Р.К. Мертон и этос классической науки // <https://iphras.ru/page/48033174.htm>

Порус 2007 – Порус В.Н. Этика науки в структуре философии науки // Высшее образование в России. 2007. № 8. С. 137–147.

Черепанова 2013 – Черепанова М.В. Кодекс этики научного сообщества: формы воплощения // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2013. № 2 (10). С. 41–46.

References

Bandurina, Irina A. (2010) “The Science Ethics Problem”, *Vishee obrazovanie v Rossii*, Vol. 5, pp. 161–164 (in Russian).

Cherepanova, Marya V. (2013) “Scientific Community Code of Ethics: Forms of Embodiment”, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kulturologia I iskustvovedenie*, Vol. 2 (10), pp. 41–46 (in Russian).

Kasavin, Ilya T. (2019) “Virtue Epistemology: On the 40th Anniversary of the Turn in Analytical Philosophy”, *Epistemology & Philosophy of Science*, Vol. 56, No. 3, pp. 6–19 (in Russian).

Kasavin, Ilya T., Porus, Vladimir N. (2020) “Turning back to T. Kuhn: is normal science conservative?”, *Epistemology & Philosophy of Science*, Vol. 57, No. 1, pp. 6–19 (in Russian).

Lackey, Jennifer, Sosa, Ernest (eds.) (2006) *The Epistemology of Testimony*, Oxford University Press, Oxford.

Longino, Helen (1994) “The Fate of Knowledge in Social Theories of Science”, *Socializing Epistemology*, Roman and Littlefield, Lanham, MD, pp. 135–157.

Mirskaya, Elena Z. (2005) web “Merton and the Ethos of Classical Science” // <https://iphras.ru/page48033174.htm> (in Russian)

Porus, Vladimir N. (2007) “Ethics of science in the structure of philosophy of science”, *Vishee obrazovanie v Rossii*, Vol. 8, pp. 137–147 (in Russian).

Roberts, Robert C., Wood, Jay W. (2003) “Humility and Epistemic Goods”, *Intellectual Virtue. Perspectives from Ethics and Epistemology*, Clarendon Press, Oxford, pp. 257–280.

Сведения об авторе

КАСАВИН Илья Теодорович – доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института философии РАН, главный редактор журнала *Epistemology & Philosophy of Science*, Москва; профессор, заведующий кафедрой философии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Author’s Information

KASAVIN Ilya T. – DSc in Philosophy, Correspondent Fellow of Russian Academy of Sciences, Professor, Main Research Fellow at the Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences; editor in chief of *Epistemology & Philosophy of Science*, Moscow; professor and chair of philosophy, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod.